

Сергей
Александрович
СПОЛОХ

Когда из донской казачьей станицы или хутора уходили на действительную военную службу казаки последнего призыва или переписи, как тогда было принято говорить, то в самом селении ничего не менялось. А вот жизнь новобранцев становилась совсем другой. Край, куда они попадали на воинскую службу, был не родным, а совсем далёкой чужбиной. Жизнь по сигналу трубы от утренней побудки и до вечерней команды для отхода ко сну была совсем не такой, как перед прибытием в казачьи войска.

Что мог при этом чувствовать молодой казак, рассказывается в литературных зарисовках нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Хутор у Донца

(Продолжение. Начало — в №№ 1, 3, 5, 8, 10, 12, 14, 16, 21, 23 за 2024 год).

Антон Швечиков в учебной команде 10-го Донского казачьего полка с первых дней службы стал отличаться старательностью и исполнительностью.

Его командир, тоже уроженец станицы Гундоровской, молодой хорунжий Вениамин Шляхтин не раз ставил его в пример. От чего Антон смущался и даже краснел, как будто его не хвалили, а ругали.

О происхождении своей фамилии, весьма созвучной польскому слову «шляхтич», Вениамин Шляхтин любил рассказывать с толком и расстановкой. В основе семейной легенды лежала реальная история, произошедшая в совсем давние времена. Она гласила, что через юрт станицы Гундоровской с незапамятных времен пролегал скотопрогонный шлях, а его далёкий предок был смотрителем такого важного для сельского хозяйства пути.

Оно как было... Если плохо содержатся полевые дороги и, не дай боже, сломает неразумная скотина ногу, тут же владелец скота в претензии:

- Так, мол, и так, за прогон скота платим, а моя худоба ноги ломает!

Приходилось станичному правлению принимать эту увечную скотину. Забивать её по причине негодности и перевешивать на большом безмене — на сколько пудов тянула эта жертва плохих дорог, а затем направлять мясо на нужды станичного общества.

С одной стороны, кому-то даже благо, говядинкой можно было полакомиться и не только состоящим на станичном коште маломощным семействам, но и правлению, и дежурным казакам. Однако, с другой стороны, прямой убыток станичной казне. Скот через станицу гонят, пыль на полнеба стоит, а прибутку никакого!

Однажды смотритель скотопрогонного шляха заметил, что у одного и того же скотовладельца постоянно то никудышный бычок, то яловая корова подламывали ноги. Засаду устроил. И что же высмотрел?

Дотошный контролёр углядел, что как только скот переправляли через Северский Донец, ушлые пастухи отбирали одну из самых доходных скотинок, в прибрежный лесок заводили и там ногу ей обухом топора переламывали. А затем посылали в станицу за атаманом, выведя предварительно эту скотину на дорогу. Так эти прогонщики освобождали себя от оплаты станичных услуг деньгами и попутно избавлялись

Групповое фото казаков 10-го Донского казачьего полка.

от ставших ненужными животных. После разоблачения этого скотовладельца его гурты стали прогонять по другим степным просторам, минуя станицу Гундоровскую. Смотритель же получил благодарность от Донецкого окружного атамана и отрез сукна на новые шаровары.

После смотрителей скотопрогонного шляха пошли в роду Шляхтиных военные. Как только открылось в Новочеркасске юнкерское училище, одним из первых из станицы Гундоровской поступил туда дед Вениамина Шляхтина — Михаил.

В русско-турецкой войне 1877-1878 гг. он отличился в бою при форсировании Дуная. Затем командовал казачьим полком первой очереди и, разумеется, уже по своим стопам, продолжая семейную традицию, отправил в то же Новочеркасское юнкерское училище сына Якова. На долю Якова военных походов не выпало, и почти всю свою службу от сотника и до полковника провёл он в окружной станице Каменской.

Сына своего Вениамина после окончания им Николаевского кавалерийского училища Яков Михайлович наставлял подробно:

- В штабы не забывайся, но и в полку не засиживайся. Усердие в службе проявляй до разумного предела. Будь на виду, но не высовывайся. Начальству при случае в меру угождай и его усилия поддерживай. Друзей по офицерской службе выручай и цени. Сегодня вы в сотенном строю, через пять-семь лет — в академическом классе, а через два десятка лет — во главе полков и дивизий.

И от вас зависит, кто где будет! И главное, сын, не играй в карты, они столько блестящих офицеров сгубили!

Но, как говорят в народе, сын-то мой, а ум у него свой! Не всегда младший Шляхтин слушался старшего. Не всегда! Но новобранцам учебной команды знать об этом было не положено.

Зима с 1913-го на 1914 год выдалась в Польше небывало морозной и холодной, и день ото дня забрасывала снегом заледеневший от стужи польский гарнизон Замостье. Замерзла, притихла и спряталась под кристальным узорчатым льдом даже местная речка Лабунька. Командование, идя навстречу полковому священнику отцу Афанасию, приняло решение сделать на праздник Крещения Господня всё чин по чину и даже вырубить крест для водосвятия в речке, чего не бывало в прежние годы из-за отсутствия морозов.

Антон Швечиков, прежде чем приступить к работе, долго рассматривал сквозь засыпанный шустрой позёмкой лёд тёмную, словно загустевшую от мороза воду. Заметил большую, подвсплывшую к краю полыньи сонную, будто любопытствующую, рыбину и неожиданно ловко и сильно саданул над ней по льду обухом топора. Да так удачно, что одуревшая от удара и потерявшая бдительность рыбина тут же была извлечена из крестообразной проруби и брошена на припорошенный снегом лёд.

Молодым казакам пойманная рыба была незнакома. Вся в серых мелких пятнах, с удлинённым телом и розоватым брюшком, с сильной спиной и пружинящим хвостом, которым она,

как метлой, с неожиданной силой поднимала снежную пыль. Рыба долго не давалась в руки.

Подожёл увидевший картину такой неожиданной и удачной рыбалки урядник Степан Нехаев:

- Форель это, братцы, форель. Горная рыба. Сюда, на равнину, тоже, бывает, что заплывает.

У молодых казаков сразу же проснулся охотничий инстинкт. Вспомнили, как на родном Донце и выпадающих в него речушках по долгожданному перволедью они добывали рыбу на горяченькую ушницу. Аж скулы свело... Вспомнить-то вспомнили, а снастей, кроме топоров и пил, никаких. Послали самого убедительного для уговоров казака в соседнюю польскую деревню за обрывком сети, из неё и смастерили что-то вроде подсачека. И пошло, понеслось азартное рыбальство!

Хоть и немного наловили, всю форму перемочили, а зато какое удовольствие! Томившейся по дому и любимой реке душе сразу полегчало!

- Как в родном хуторе побывал, - торопился собрать улов красными от мороза промёрзшими руками Сергей Новоайдарков.

Мелкую рыбу рассовали по рукавам. А первую пойманную форель, самую крупную из всего улова добычу, слегка задубеневшую от холода, Антон с трудом засунул себе за пазуху. Она сначала обдавала острым холодом грудь, затем, согревшись на тёплом молодом теле, изогнулась дугой и, извиваясь как змея, забилась, вырываясь наружу.

Неровный строй окоченевших казаков остановил начальник штаба полка войсковой старшина Гончаров и стал сердито ругать отделенного урядника, пристукивая подмёрзшими в узких щегольских сапогах ногами:

- А это что такое? - вскрикнул войсковой старшина, когда увидел, как вдруг ходуну заходила грудь стоявшего на правом фланге казака.

- Что вы имеете в виду, ваше высокородь? — удивился урядник.

- Да вон, крайний казак, Швечиков, по-моему, его фамилия.

- Так точно, Швечиков, - подтвердил урядник и, подумав, добавил, — ухо у него приморожено от природы.

- А грудь?

- Грудь вроде без изъянов, - сообразив, в чём дело, прикинулся непонимающим урядник.

Гончаров, развернувшись левым боком к ветру, пряча в воротник раскрасневшееся, с заиндивевшими усами лицо, быстрым шагом стал подходить к казакам, стоявшим на правом фланге.